

Вера ЗУБАРЕВА

Памяти Беллы Ахмадулиной

Нет, я ценю единственность
предмета,
вы знаете, о чем веду я речь.

* * *

Но этих мест владычицы морской
на этот раз не назову я имя.

Белла Ахмадулина

ЕДИНСТВЕННОСТЬ

29-е ноября. Она только что была. А через миг передали, что её уже нет.

Когда же передадут, что она будет?

Собственно, и так ясно, что она будет, как ясно и то, что она есть, вопреки новостям о её уходе. Присутствие её возрастает от часа к часу, судя по интернетовскому трафику, направленному к ней. «Она есть и будет», - так должны были бы передать эту новость. Но не передали. И это стало подтекстом.

Сегодня третье декабря. Новость перестала быть новостью - её заменил подтекст. Теперь уже навечно.

Её жизнь прошла под знаком Единственности, которая сманила меня в свою запретную зону много лет назад, уводя прочь из государства «Мы». Совершать побеги было просто: шла в Горьковку, заказывала томик её стихов, открывала калитку и попадала в Сад.

«Брат-комната, где я была - не спрашивай»... (Б. А.).

Там-то всё сразу и становилось на свои места. Знание о том, что у каждого уникальные отпечатки пальцев, переходило в осознание уникальности всего сущего, - «Каждый в этом мире уникален», - нащёптывал мне Сад свои крамольные мысли. «В природе не существует коллективного отпечатка, в природе существует Единственность. Она и есть источник многообразия. Единственность, а не унификация, запомни!». Её Сад был запретным именно в силу его противопоставленности королевству Мы-чащих.

А потом я позвонила ей, как говорят, с «улицы». Но на самом деле - из Сада, и она это сразу поняла, потому что у нас не было общих знакомых. Это и было знаком Единственности, паролем, по которому гость Сада мог встретиться с его Хозяйкой.

- Верочка, приезжайте! - неожиданно пригласила меня она. Пригласила, ещё не читая стихов и не зная обо мне ничего, что вне интереса Сада.

К ней можно было только по небу. Ну что ж... Кучевые кроны остались внизу вместе с Чёрным морем. Мы летели, летели, летели... Я летела с первой минуты её приглашения, а Вадим присоединился ко мне уже в самолёте.

Через три (о, магия числа!) дня я стояла у неё на пороге.

Это было тепло и искренней, чем я себе представляла.

...За окном - ливень, капли медленно скатываются по лбу и щекам. Почти, как в её «Сказке о дожде», и на ум сразу приходит: «Дождь, как крыло, прирос к моей спине». Это же приходит и ей на ум - ясно без слов. Она улыбается и приглашает меня в комнату. Там - стол длинный с креслами, и все разные.

- Присаживайтесь, - указывает она на кресла с какой-то озорной улыбкой.

«Наверное, я нелепо выгляжу», - думаю, хватаясь за приглянувшееся кресло, чтобы поскорее с ним слиться. Всё в дожде. Она по-прежнему улыбается, ставит чайник на плиту, чтобы согреть дождь. У меня в руках цветы из Сада (Господи, совсем забыла!). Она берёт цветы, ставит в вазу, и мы говорим о Саде, о цветах, о Цветаевой...

Она приносит мне засушенный лепесток розы - «это с Цветаевского места»... Мы понимаем друг друга. Лепесток - из того уголка сада, в который я ещё не заходила.

Я читаю ей «Лунный путь», «Стихи о Саде и Садовнике», и она догадывается, в какой части Сада они были написаны. Она догадывается обо всём, будто даже не догадывается, а знает. Потом она достаёт с полки «День поэзии - 1984», извиняясь, что у неё нет сборника стихотворений, подписывает его: «Милая Верочка, примите мою любовь и дружбу», - вкладывает лепесток между страницами и протягивает мне.

Дождь прекращается. Мне пора. Сегодня у неё поэтический вечер в музее Маяковского, а день был щедро отдан мне. Пора и честь знать. Я поднимаюсь с кресла.

- Верочка, а я следила за Вами, какое из кресел Вы выберете, - с той же загадочной улыбкой говорит она.

Я молчу, выжидая.

- Кресло Бориса Пастернака, - оповещает она всё с той же озорной улыбкой. - Это очень хорошая примета, я загадала...

У неё счастливое лицо. Я немею. Что тут можно сказать? Хорошо, что она оповестила меня об этом после. Сидеть в кресле Бориса Пастернака перед Беллой Ахмадулиной - не слишком ли много для первого дня?

Однако замечание её о счастливой примете имело прямой смысл: наша встреча состоялась 13 июля - казалось бы, несчастливое число, но «перекрыто» оно было счастливой приметой. Для меня же эта дата имела и ещё один - скрытый - смысл: 13-ое в нашей семье связано с моим отцом. 13-го ноября, накануне его совершеннолетия фашисты разбомбили корабль, на котором он служил, и в живых осталось только два человека. Он был одним из счастливых. Все последующие важные вехи его жизни также выпадали на 13-ое. «Это всё Сад, это Он связывает судьбы и звёзды скрытыми символами, образующими корневые системы, из которых произрастают его деревья», - думаю я.

Вечером мы встречаемся у музея Маяковского. Билетов нет, мы с Вадимом стоим у дверей, как она и велела. Она появляется, окружённая сатурновыми кольцами поклонников и направляется сразу к нам.

- У Вас замечательный муж, - шепчет она мне на ухо. В роящемся зуде головок её шёпот звучит как-то особенно веско. - Он редкий, - продолжает она. - Верочка, берегите его, не расставайтесь, будьте всегда вместе!

Рядом с ней - Борис Мессерер, её замечательный и редкий муж. Это уже то, что я моментально отмечаю, взглянув на него, но в отличие от неё, ничего не говорю. Да этого и не нужно. Она читает мои мысли и согласно кивает: всё, мол, так.

Потом она усаживает нас в первом ряду, который держат «для своих», и наступает Сад...

А на следующий день мы с Вадимом уже отправляемся в обратный путь, и на прощание она вручает мне Заветную Грамоту, в которой снова переключка с голосом моего отца. Своё путешествие на моей первой тетради стихов отец заканчивал следующими строчками: «Услышь, чего никто не слышит».

«Она слышит голос своей звезды», - словно отвечая моему отцу, пишет она в своём Напутствии. Нет, это не обо мне тогдашней и не обо мне сегодняшней...

ней - это обо мне вне времени и пространства. Это о том, как я должна идти своим путем, не предавая голоса своей звезды («Не дай мне Бог бесстыдства пред листом / бумаги, беззащитной предо мною...» - Б. А.).

Сад зовёт. Рушится держава, разлетаются люди, как листья в осени, и ветер несёт их по нашим одесским улицам в Чоп и дальше, дальше...

- Я уезжаю, - сообщаю ей почти накануне отъезда в Америку.

Она вроде бы даже и не удивляется. Только говорит:

- Всё будет хорошо... Верочка, у Вас всё будет хорошо...

Она знает, и я верю ей. Нас роднит Единственность. Я уезжаю в Единственность. У меня - Море, у неё - Сад, но общий знаменатель - един.

- Верочка, поцелуйте море!

Откуда это? Ах, да! Ещё из той жизни... Я теперь в другой, за океаном, но мы по-прежнему встречаемся в Саду.

Я вышла в сад, но глушь и роскошь живут не здесь, а в слове «сад». Оно красую роз возросших питает слух, и нюх, и взгляд.

Просторней слово, чем окрестность: в нем хорошо и вольно, в нем сиротство саженцев окрепших усыновляет чернозем. (...)

Белла Ахмадулина

Я декламирую эти строки, пока гуляю у собора в Брин Атене, и мечтаю, что она однажды будет гулять здесь со мной. Стихи - это моя молитва или колдовство. Они оседают на травах, цветах, на короне собора, привораживая заокеанское пространство. И вскоре мечта воплощается. Мы гуляем все четвером, и она читает: «Я вышла в сад...». Вадим изумлён: это точь-в-точь, как я мечтала. Я же не удивляюсь - я радуюсь, что Творец Единственности внемлет нашим фантазиям.

Всякий раз, когда я прихожу к собору, я вижу её, как тогда, - сбрасывающую туфли и бегущую босиком вниз по холму.

Были встречи и между, и после, и были разговоры, но сегодня всё это существует монолитно как единое время в едином пространстве Сада. Что делать нам с этой вестью? Смерть посягает на Единственность. Она - апофеоз коллективного бессознания. Но Сад всё равно сильнее, потому что она мгновенна, а Он - вечен.

ТРИСТИШЬЕ

Памяти Беллы Ахмадулиной

- Верочка, поцелуйте море!
Из телефонного разговора

Утра уже не отличить от ночи,
Земли - от неба.

Холмик города на обочине
Прикрыт простынейю снега.
Доктора склонились над уходящей
эпохой.

Медициной ли спасти историю?
Последняя попытка машинного вдоха,
А потом - к Морю, к Морю...

* * *

Не хочет плоть живучая, лукавая
про вечность знать...
Белла Ахмадулина

Из окоченелого пространства,
Где сердце уже не орган а орган,
Глянуть мимо склонившихся,
Сказать «здравствуй!»
Тому, что казалось скорбным,
А потом ходить ещё по земной привязи
Туда-сюда... (Не о том ли у Пушкина?).
Вот и конец этой странной жизни.
Будет ли что-то из неё отпущено?

* * *

Ну что ещё сказать?
Всё сказано навеки.
По досточке строки
Идти не вдаль, но вглубь.
Так попадают в сад
Из комнаты по ветке,
Чтоб зажигать луну,
Слетающую с губ.
Всё конечно. Окно
Глядит в другое небо.
Туда не подсмотреть.
И заколочен сад,
И в скважине ночной
Ключ к Дому заповедный,
И обнаружен код.
И нет пути назад.

30 ноября - 3 декабря 2010

СТИХИ О САДЕ И САДОВНИКЕ

Белле Ахмадулиной

Мне сказали, что Садовник
Обошёл свои владения
И пошёл по той дорожке,
Что уводит в предрассвет.
Мне сказали, это было
Ровно в полночь, в воскресенье,
И об этом точно знает
Всякий сведущий сосед.

- А какое было небо? -
У соседа я спросила.

- Небо было, как на полночь, -
Отвечал, сердясь, сосед.
- Что он взял с собой в дорогу?
За плечами что-то было?

- Ничего... - Сосед подумал
И, смутясь, добавил: - Свет.

Поняла, что в воскресенье
Разлилась луна по саду
И Садовника манила
Той, обратной, стороной.
Ждать его навряд ли надо -
Он пошёл искать рассаду
И раскланиваться станет
Только с ночью и луной.